

ДЕНЬ МЕРТВЫХ ПТИЦ

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВ

18+

Вячеслав Александров

Пение мёртвых птиц

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Александров В.

Пение мёртвых птиц / В. Александров — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Правила охоты просты: Охотник силён. Не «должен быть», а именно силён. Либо так, либо он уже мёртв. Охотник храбр. Карающая рука не может дрогнуть. И самое главное: охотник не спасает людей. Однажды Дима Макаров нарушил это правило, поставив жизнь человека выше убийства чудовища. И груз его вины будет расти с каждой новой жертвой этой твари.

Содержание

В тихом озере...	5
I. Не бойся темноты	11
II. Ты не будешь кричать	19
Конец ознакомительного фрагмента.	31

В тихом озере...

Нельзя сказать, что было тихо – вовсе нет: Митька слышал и слабый гул ветра, и голоса других мальчишек, но уши как будто скребло от неполноценности звуков, словно чего-то в них не хватало. Чего, Митька понять не мог, и мысль его, так и не оформившись, расплавилась на солнце.

Жара стояла такая, что хоть в воду лезь. Под тенью деревянного забора спала уставшая псина, и если б не вздымающийся бок, было бы непонятно, жива она вообще или нет. В нескольких шагах от неё пролегла узкая, некогда асфальтированная дорога, разбитая до такого состояния, словно кто-то целый месяц с утра до вечера специально молотил её тяжёлой кувалдой. Последний дождь прошёл пару дней назад, но, несмотря на это, лужиц или даже сырой грязи не нашлось ни в одной ямке.

Позабытые всеми велосипеды лежали прямо у обочины, в траве.

В такую погоду самое то покататься с ветерком, развеяться. Только вместо этого мальчишки кучей собрались у облупленной ограды в тени вишнёвого дерева и глазели в телефон. Поснимав от жары футболки и майки, худые и грязные, они сгустились вокруг владельца телефона, таращась на экран, и время от времени клянчили: «Ну дай тоже другим поиграть!»

Двое из мальчишек – Митька и Витька – в деревне новички. Они перебрались сюда вместе с батей чуть менее месяца назад, и ещё не успели ни с кем как следует подружиться.

Витька стоял на цыпочках, опираясь рукой на некрашенный забор, и изо всех сил пытался разглядеть через макушки остальных то самое захватывающее действие, от которого все сыпали подсказками вразнобой: «Слева!», «Да нет же, вон там в углу! Надо сдвинуть ящик!», «Дай я! Дай мне попробовать!». Но с Витькиного угла экран сильно отсвечивал, и мальчик видел лишь большой прямоугольный блик, отчего интрига только возрастала: «Одним бы глазком!..»

А вот Митька – его старший брат – уже потерял интерес ко всеобщей суматохе. Он отделился от ватаги, поднял свой велик, вывел его на дорогу и оглянулся.

Подумаешь – телефон! Спросить Митьку, так лучше бы все сели на велосипеды да поехали дальше. Нормально же катались, пока этот, с телефоном, не вышел! Митька, конечно, сперва тоже был не против «привал» устроить, но что-то уж очень затянулось. И чего там такого может на экране происходить?

Ему, как и Витьке, тоже не удалось толком взглянуть, а просить поиграть не стал из принципа. Этот, с телефоном, время от времени делился с кем-нибудь из ребят своей игрой. Правда, ненадолго. Но ни с Митькой, ни с Витькой не поделился бы всё равно. Хоть проси, хоть не проси: за них с братом тут в деревне никто не поручится. Никто их толком не знает, а потому им везде – шиш! Это Митька уже хорошо выучил.

– Вить, да поехали уже, – позвал он брата. – Ну их!

– Да... Да, сейчас, – отвечал Витька, не поворачивая головы. – Посмотреть бы хоть разок.

Митька смолчал. Думал было обозлиться сперва, но чего с восьмилетки взять? Ему – Митьке – если честно, и самому, может быть, хотелось узнать, какие игры на телефонах бывают. У них-то с братом, ни телефонов, ни планшетов нет. Один смартфон только у бати, но тот трогать нельзя, да и без игр он всё равно.

Спросил бы Митька у местных разрешения поиграть, но только если б знал, что жадничать не станут. А с жадинами общаться ему совсем нет резона, но и без брата уезжать тоже не хорошо. Если только...

Митька развернул велик, запрыгнул на сидушку и поехал, но не кататься, а домой – за рогаткой.

Тихозёрка – деревня маленькая, всего за пару дней Митька разобрался, где здесь что, а уж за целый месяц, как они сюда перебрались, выучил каждую кочку, вот и до дома добрался мигом, самым коротким путём.

Батя сидел в гостевой комнате, распахнув все окна, и красил своего коршуна. Чучело. Митька тихо прошмыгнул к лестнице, ведущей наверх, в их с братом комнату на мансарде. Батя не обратил на него внимания, хоть и заметил: слух у него, как у собаки. Но он – не мама, загонять из-за пропущенного обеда не станет. А мама не с ними теперь. Она умерла.

Рогатка отыскалась быстро, хоть для этого и пришлось перевернуть коробку с игрушками. С тех пор, как мамы не стало, начались частые переезды. Митька с братом хранили игрушки в большой общей коробке и почти их не трогали, чтоб не растерять. В любой момент батя мог дать команду грузиться и переезжать, и если игрушки разбросаны, то собирать их будет уже некогда, а значит, они останутся – батя ждать не привык.

Митька на секунду забыл о ребятах, велосипедах и телефоне. На пол вывалилось столько классных вещей! Он уже и не помнил про свой чёрный пистолет с пластмассовыми пульками или резинового динозавра, который умеет плевать набранной в брюхо водой. И клёвые гоночные болиды, как в «Формуле». Но рогатка... Рогатка лучше всего годилась, чтобы поставить на место того индюка с телефоном, она ведь гораздо круче! У неё жгут сделан из серого резинового бинта, поэтому стреляет она получше иного лука! А бинт Митьке батя выдал, и не просто, а сам предложил, когда тот собирался взять «палец» от резиновой перчатки: «Хорошему делу – хорошие материалы нужны».

Рогатка произвела впечатление на мальчишек. Когда Митька вернулся под вишневое дерево, ему стоило только громко, чтобы все услышали, позвать брата пострелять, и всё внимание тотчас устремилось к нему. А после демонстрационного выстрела у глупого телефона и вовсе не осталось никаких шансов.

«А дай потрогать?!», «А дай посмотреть?», «А можно мне?».

– Поедьте за деревню подальше, – великодушно предложил Митька.

И тут же с ним заспорили:

– А чего ехать? Давай тут!

И следом слева и справа:

– И правда, давай тут!

– Нельзя тут! – отрезал владелец рогатки.

– Чего это «нельзя»?

Тогда уже Витька подхватил:

– Конечно, нельзя тут. Вдруг ещё глаз кому-нибудь выбьете!

Митька улыбнулся. Это он хорошо про рогатку вспомнил – брат сразу оживился.

Но ребята продолжили выпрашивать:

– А сам-то тут стрелял!

– Ну так я умею! А вы кто-нибудь умеете?

И, не дожидаясь ответа, Митька с братом запрыгнули на велики, а в спины им последовало: «Я умею, дай мне!», «Кто умеет? Ты умеешь?!», «Я!», «И я! Я тоже умею!», «Чего ты умеешь? Не рассказывай!», «Умею! Мы с папкой тоже рогатку делали в том году и даже получше этой!».

Мальчишки повскакивали на велики, и галдёж не прекращался до самой окраины деревни.

По пути им не попалось ни одной жестяной банки, по которой можно было пострелять, и сперва это даже расстроило Митьку. Но когда прибыли на место, и рогатка пошла по кругу, оказалось, что лучшее, чего могли добиться с ней тихозёрские – запустить камень метров на

пять. И это из такой-то рогатки! С кожаной великолепной пяткой из куска ремня! Никто не мог попасть и по толстому дереву, какие там банки.

– Да вы только зря жгут растягиваете!

– А сам-то что можешь?..

Раздражённый Митька отнял рогатку, поднял с земли камешек и огляделся в поисках мишени:

– Да вон хоть выюрка подобью! Хотите?

И он прищурился, прикидывая расстояние до кедровой ветви, нависшей над головами ребят, где сидела маленькая птичка.

– Да ладно! Гонишь?! – прокатилось недоверие среди мальчишек.

– А вот легко!

Митька вложил камень в пятку и поднял рогатку, одновременно натягивая жгут.

– Не надо! – вдруг попросил Витька.

Что-то ёкнуло. Митька ослабил натяжение и удивлённо взглянул на брата. Тот стоял совсем близко, отчего казался ещё меньше ростом, чем был.

– Не надо, – повторил Витька чуть тише и смущённо отвёл глаза в сторону. – Батя и так уж столько зверей перегубил. – Теперь он говорил совсем себе под нос, и слышать его мог только брат. – Не хватало, чтобы и ты...

Руки у Митьки опустились.

– Ну и чего? – нетерпение собравшихся мальчишек быстро переросло в коллективное недовольство. – Понятно всё! Такие только языком и чешут!

Митька замер, глядя на брата. Но Витька не посмотрел на него в ответ и ничего не сказал. Он молча отвернулся куда-то к лесу.

– Ну и хвостун! – выкрикнул один из тихозёрских. – Баба!

Несколько секунд Митька ещё надеялся встретиться с братом глазами, но тот не поворачивался. Выюрок улетать не спешил и даже не чирикал. Ребятня улюлюкала.

Сглотнув ком в горле, Митька натянул жгут и, зажмурив один глаз, глянул на выюрка через рогатину. Птичка сидела ровно, словно маленькое чучелко.

Мальчишки притихли.

Митька задержал дыхание, подтянул пятку рогатки до самой щеки. Стрельнул.

Камень мелькнул над головой птички и беззвучно скрылся в лесу. Он пролетел совсем близко, но всё же не задел ни единого пёрышка.

Митька выдохнул. Опустил рогатку.

Секунда и выюрок рухнул вниз.

– Ого! – закричали мальчишки хором.

Они бросились к месту в траве, куда свалилась несчастная птица, и встали в круг.

Митька оцепенел. Он прокручивал в голове момент выстрела: чётко видел, куда кладёт камень, видел, как тот полетел. Он знал... Он не мог! Что это?

Медленно, боязливо Митька перевёл взгляд на брата. Тот по-прежнему стоял, уставившись в невидимые глубины леса.

– Попал! – ликовали тихозёрские. – Ну ты даёшь! С первого раза!

Митька не знал, чего хочет больше: чтобы Витька, наконец, взглянул на него, или чтобы стоял лицом к лесу вечно.

И тут брат обернулся. Насупившийся, хмурый. Большие голубые глаза покраснели. Кажется, вот-вот проскочат слезинки.

Но всё же Витька держал себя в руках. Зыркнул недобро из-под лба, резким движением утёр нос и пошагал широкими шагами.

– погоди, Вить, это не я, – очнулся Митька.

Брат протопал мимо него толкнув так сильно, как только мог.

– Это не я! – крикнул Митька ему в спину.
Но тот не обернулся.

* * *

Ночь. Митька тайком возвращается туда, где сбил вьюрка. Вернее, не сбивал. Он хлопает босыми ногами по воде, не разбирая в темноте, где можно пройти посуху. Кругом болото. Болото, которого не было ещё днём. В этом Митька уверен.

Холодный воздух несёт с окраины деревни чей-то грустный плач. Он звучит слегка мелодично, будто колыбельная.

Митька не обращает внимания и на это. Он находит кедр, на котором сидел вьюрок. Кедр высох. Вся хвоя его опала, ветки торчат голые, как обглоданные кости: болото вытянуло из дерева все соки. Митька знает, что где-то тут, в траве, лежит убитая птичка. Где-то тут. Где-то под ногами.

Наклоняется, всматривается. Тут луна выплывает из-за облака, и её бледный, голубоватый свет лучом падает на тело вьюрка. Красивые перья, раскрытый клювик. Если бы птичка не лежала на спине, разбросав крылья, она бы выглядела совсем как живая.

– Попал! Ну ты даёшь! – торжественно и звонко, как ручей, кричит кто-то из-за спины. – С первого раза!

Митька резко оборачивается.

Никого. Деревня далеко. Днём казалось, что она ближе, но сейчас оттуда, где стоит Митька, нельзя разглядеть и самых крайних домов. По спине пробегает лёгкая дрожь.

Издали всё ещё доносится плач. Горький. Аж сердце съёживается.

Митька вновь смотрит на вьюрка. В гнилом птичьем глазу копошатся черви. Полуразложившийся скелет почти увяз в болоте. Митька и сам чувствует, как тонет во влажной жиже.

Вдруг за щиколотку его хватает когтистая птичья лапа.

Митька кричит, дёргает ногой и падает спиной в воду. Огромное озеро стеной смыкается перед его лицом, и в тот же миг разливается по влажной от пота простыне.

Отчаянно барахтаясь, Митька гулко и больно стучается локтем о стену рядом с кроватью.
– Уй!

Прижал руку к груди.

На улице кто-то есть.

Тени обступили Митьку со всех сторон, но не напали.

В ушах ещё стоят отдалённые звуки плача, но на улице тихо. Даже птицы не поют: спят. Холодно: «бултыхаясь в воде», Митька сбросил одеяло на пол.

Подождал, пока глаза привыкнут к темноте, а после сел в кровати. Сердце ещё колотилось.

Повернул голову к кровати брата. В ночном полумраке силуэт Витьки легко было разглядеть на фоне светлой стены.

Спит. Звук удара о стену не потревожил его.

Митька опустил ноги на пол. Попытался отдышаться. Лёгкие соглашались только на короткие вдохи.

На улице кто-то есть.

Митька уверен в этом. Сквозь сон он слышал, как за окном кто-то плакал. Может быть, этот плач его и разбудил.

Однако теперь, когда он полностью проснулся, душила тишина. Почудилось?

Наверное, почудилось. Лечь спать?

Митьке внезапно захотелось разбудить младшего брата, чтобы тот его успокоил, но так нельзя. Это он – старший. Это ему нужно защищать Витьку и успокаивать, если что.

На улице кто-то есть. Или да, или нет.

Он встал, направился к окну – пора проверить!..

Не почудилось: растущее прямо перед домом деревце загораживало обзор, но Митька сразу заметил её фигуру. Одинокую. Стройную, как берёза. В белом. Отсюда не видать, но Митька отчего-то был уверен – это та самая сорочка, её любимая. Ма... Нет!.. Чёрные волнистые волосы падали ниже плеч. Мама?!

Подступила тошнота.

Женщина в белом не могла быть его мамой: мама утонула. Утопилась.

Батя объяснял им с братом, что это был несчастный случай, но Митька же не глупый. Он сразу понял: мама не выдержала предательства. Батиного предательства! Иначе откуда появилась эта его «тётя Алина»? Сразу после трагедии. С круглым, как мячик, животом. Беременная. Сразу беременная. Так быстро не бывает. Митька специально проверял в книжках.

Он не рассказывал об этом брату. Витька ещё мал, ему только восемь, он не готов. Вот доживёт до своих одиннадцати и сам всё поймёт.

В голове на миг помутнело. Митька упёрся руками в подоконник и постоял так немного.

Прошло. Снова взглянул на брата. Может всё-таки разбудить? Вот он обрадуется, когда увидит маму! Если только это и впрямь она...

Митька вглядывается в образ за окном. Теперь он как будто видит дальше и лучше. Теперь как будто удаётся, невзирая на темноту, разглядеть изгиб её бровей и даже добрые голубые глаза.

Мама поманила его на улицу. Мурашки поползли по спине. Что она здесь делает? Они ведь уехали из родной деревни, где всё и случилось. И из следующей тоже. И потом... Митька уверен, что и отсюда скоро уедут.

Мама поманила его снова.

Он не помнил, как вышел во двор.

Небо. Холод.

Мамы не оказалось на прежнем месте.

Темно. Свет в домах не горит.

Вернуться и попытаться заснуть?

Митька почувствовал, как она продолжает смотреть. Но откуда?

Вышел за калитку, встал посреди дороги и огляделся.

Она ждала в конце улицы. Вся в белом. Да, это та самая сорочка: теперь точно видно. И черты лица. Те самые, мамины. Но ведь это не она?..

Мама снова поманила его за собой. Он не знал: идти или не идти? Пошёл.

Перед глазами всё поплыло. Медленно и тошнотворно.

Митька брёл как во сне, то проваливаясь в темноту, то выныривая. Мама всё время шла далеко впереди. Всё время манила за собой. Он следовал. Сам не зная зачем. Хотелось вернуться. Но он продолжал идти.

Митька не очнулся, даже когда ноги намокли.

Вода затекла под штанины пижамы, рубашка надулась пузырьком вокруг живота, а потом земля ушла из-под ног.

Вода везде.

«Как я здесь оказался?!» – пронеслось в голове.

Руки сами собой вытянулись в стороны. Захлопали. Ноги непослушно задргали во все стороны. Ясность ума вернулась, но ненадолго. Следом накатила паника. Нужно выбираться. Где берег?

Снизу за щиколотку схватила чья-то рука. Лапа. Птичья – он чувствует когти.

Сердце защемило от страха.

Ночь. Небо. Холод. Вода. Кругом вода.

Чёрная.

Лапа не тянет вниз, только держит на месте. Не даёт уплыть. Этого хватает. Лёд сковал мышцы. Вторую ногу больно. Судорога. Митька дёргает ногой. Не проходит.

Руки бьют по воде. Шея быстро устаёт. Сейчас надломится. Вверх-вниз. Он то проваливается, то выныривает. Вверх-вниз. Он – поплавок.

Ему удалось поднять рот над взбесившейся водой. Судорожный вдох. Жадный. Последний? Новая попытка. Новый глоток воздуха. Последний? Каждый раз как будто последний. Скоро. Страшно. Умрёт? Он умрёт? То есть насовсем?

Волны бьют по лицу.

Кругом вода. Ледяная вода.

Больно. Ногу сводит. Больно!!! Другую не пускают когти. Держат. Даже вниз не тянут, просто держат. Это не она. Он ведь и сразу понял, что не она. Зачем пошёл за ней?

Митька лягается. Нельзя переставать бороться. Сбросит: сейчас он её сбросит. Обязательно. Пожалуйста.

Помогите. Кто-нибудь. Вдруг кто-то рядом. В темноте! Закричать бы! Никак!.. Он еле успевает вдохнуть. Не крикнуть.

Митька умеет плавать. Умеет. Сейчас он уплотнит воду, сейчас вытолкнет себя. Силой воли. Вверх-вниз. Вода накатывает на лицо. Он выныривает, чёлка падает на глаза. Ничего не видно. Не важно! Выплыть!

Он не плывёт. Лишь скачет в воде. Бьёт её руками.

А Витька там остался. Так и будет думать, что это Митька убил ту птицу. Объяснить бы всё... И батя там. Батю жалко: Митька ведь так и не сказал ему, что прощает его. За всё прощает.

Митька выталкивает себя наружу на миг. Вдох. Крикнуть!.. Не успел!

Когти не отпускают. Зачем она это делает? Пусти! Кто-нибудь!

Берег тонет во тьме.

Озеро как будто растёт. Поднимается. Больше. Лицо опять захлестнуло. Нужен вдох. Мысли спутались. Стёрлись. Давно уже. Дышать.

На секунду Митьке показалось, что он снова почувствовал воздух кожей лица. Но ещё рано. Нос и рот под водой. Ещё рано!

Вдох.

Это не он вдохнул, это кто-то вместо него.

Боль. Вода врывается внутрь жидким пламенем. Проливается огненным дождём в лёгкие. Её не сплюнуть. Как ни старайся, не сплюнуть – только ещё больше глотаешь. Больше воды. Больше огня. Больше. Затылок звенит. Череп трещит. Грудь разрывается. Ничего не видно. Ничего не слышно. Пожалуйста, хватит!

Милосердные воды смыкаются перед лицом и боль уходит. Боль отрезана водой. Боль там, снаружи. Вода превращается в преграду, в мутное стекло. Сквозь неё видно чёрное небо и бледно-жёлтую луну. Безразличную. Спокойную. Митьке хочется к ней прикоснуться, но рука совсем обмякла, и луна тихо поплыла в сторону.

Больше нет огня внутри. Больше нет льда вокруг.

Ночь. Небо. Вода. Луна. Тишина. И безмятежность. Всё равно.

Уже всё равно. Уже не страшно. Больше нет.

I. Не бойся темноты

Едва первые солнечные лучи коснулись лица Макарова, как он тут же проснулся, мгновенно сел, открыл дверцу своего автомобиля, на заднем сидении которого спал большинство ночей, и вышел на свежий воздух. Дикая трава легонько щекотнула босые ноги. Ни потягиваний, ни ворочаний, ни «ещё пять минуточек». Только свёл лопатки, да щёлкнул костями. Как будто вовсе не спал, а просто лежал, пока вдруг не сорвался с места.

В степи всегда дует ветер, не переставая. Меняется только его сила. Сейчас ветер никому ничего не пытается доказать, а лишь приятно обдувает кожу. Он пробуждается куда медленнее Димы.

А вот Дима Макаров всегда просыпается в один миг, точно по щелчку переключателя. И не важно, как он провёл ночь: в мягкой гостиничной койке после душа, или прямоком в одежде на жёстком сидении своего железного коня. Тело молодого парня никогда не деревенеет, шею не клинит, а сам он всегда поднимается по утрам бодрым. С «простыми смертными» его роднит лишь потребность бегло протереть глаза спресонок, а в остальном он точно от батареек питается.

Ветер слегка разыгрался, словно завидуя бодрости Макарова, на секунду заложил уши, но тут же отпрянул. Будто дружески хлопнул по плечу, не желая в действительности толкнуть слишком сильно.

Диме хотелось постоять недолго в его потоках. Понаблюдать встающее солнце.

Есть что-то магическое в утренней прохладе, в раннем степном ветре. Вдохнёшь полной грудью и жить хочется.

Но дурные привычки скоро напомнили о себе: парень вынул из кармана смятую пачку «Финиста», достал сигарету, повернулся спиной к ветру, и закурил.

Вдали заливался звонкий, голосистый жаворонок. Солнечный диск более чем наполовину выбрался из-за горизонта. Его неспешное спокойствие, вкупе с тихим ветром и утренней порцией никотина, натолкнуло Диму заглянуть в себя. Зачем он здесь?

«Чтобы очистить эту землю», – всплыли в памяти заученные строки.

И тут, как издёвка, большой кусок горящего пепла сорвался с сигареты в траву.

Дима засуетился. Открыл автомобиль, поднял подлокотник у водительского сиденья, отсек под которым и служил ему пепельницей, и прикончил там недокуренный «бычок».

Обулся. Остального не требовалось: он спал в одежде, и давно перестал замечать за собой неприятный запах – плату за кочевую жизнь.

Дима бросил скучный взгляд на капот автомобиля. Отжаться от него? Он не тренировался, наверное, уже целую вечность.

Охотник силён.

Так говорит его отец: «Охотник силён, Дима». Это правило.

Диме с детства сложно давалось общение с отцом. Везде, куда он попадал мальчишкой – в школе, в спортивной секции или где угодно ещё – правила формулировались, как требования. «Охотник должен быть силён», – сказали бы другие люди. «Должен быть» – ключевые слова. Они делают формулировку логичной, создают условия. Если есть условие, значит его можно нарушить. Нарушать условия – не сама цель, но без возможности нарушать что-нибудь, невозможно и блюсти.

Это не философия, это здравый смысл. Может быть, конечно, и излишнее буквество.

Ни то, ни другое не знакомо отцу Димы. «Охотник силён».

Его правила не звучат, как требования: они звучат, как констатация. Они и есть констатация. Дима обязан соответствовать. Дима обязан быть сильным. «Обязан» – ключевое слово. Оно создаёт лазейки. Создает условия.

Дима не тренировался уже целую вечность...

Он забросил мысли об обязательной зарядке далеко в степь. Сел за руль, повернул ключ, аккуратно выехал на пустую трассу, переключил передачу и помчался.

Куда – он и сам теперь не знал. Вперёд.

Иногда, на перекрёстках, Дима безотчётно сворачивал куда чёрт дёрнет. Периодически делал стоянки в жилых местах – деревушках или городах, без разницы где. Главное, чтобы калым какой нашёлся на бензин заработать – дрова порубить, вагон разгрузить...

Правда, не всегда причины его стоянок бывали такими мирными. Порой Диме приходилось *охотиться*...

Но, кажется, не в этот раз. День обещал быть самым обыкновенным и спокойным: никаких трупов, никакой крови, никакой охоты! Только голубое небо и почти полностью опустевший кошелёк. Хватит, разве что, на последнюю заправку.

Стрелка датчика уровня топлива опасно дрожала возле нулевой отметки. Но Дима не особо переживал: успеет ли добраться до АЗС или автомобиль заглухнет раньше. Успеет – хорошо. Не успеет – в каком-то смысле даже лучше: от такой тренировки отмахнуться не выйдет. Предоставленный самому себе, он совсем обленился. При отце ему приходилось каждый день изнурять себя упражнениями.

Охотник силён.

На пути появился знак, указывающий на очередную деревеньку: «Тихозёрка». Вряд ли там могла найтись бензоколонка, но особого выбора у Димы не было. Авось, кто сольёт с бака? Парень повернул с ровной асфальтированной трассы, на посыпанную щебнем дорогу. Шины зашуршали.

Макаров старший – жёсткий мужик. Наверное, любой бы от него сбежал. Но Диму всё равно мучила совесть. Он всё думал – всё это время – что вот-вот, прямо сейчас, вывернет руль и поедет назад, искать его. Но почему-то откладывал, боялся. Слишком неприятным стал их последний разговор. Слишком нагло Дима отвечал. Прежде он всегда был послушным сыном... исполнительным солдатом. Он никогда не перечил отцу, и уж точно никогда так не грубил, как в конце их последней, неудачной *охоты*.

Путешествуя по стране, Дима с отцом частенько охотились вместе. Иногда, не в *том* смысле, а в самом обыкновенном: убивали диких животных и птиц для пропитания и торговли. Разумеется, только там, где это не запрещалось законом. Но такие вылазки на зверьё Макаровы *охотой* называть не привыкли. Охота для них – нечто иное: стиль жизни, образ мысли. Призвание.

В последний, рассоривший их раз, они занимались той самой, *настоящей* охотой. Не в лесу – в городе. На самую опасную тварь, какую они только встречали. Хаштáру.

Дорога круто свернула, Дима сильно сбавил ход. Показались первые дома. Вдруг – бряк!!! – в окно автомобиля врезалось что-то чёрное и мягкое и тут же скрылось.

Теряя перья, незадачливая ворона улетела прочь к деревьям.

Удивлённый Макаров поглядел ей вслед. На какой-то миг ему показалось будто кто-то, может быть эта самая ворона, издал протяжный шёпот: «*Бо-огаты-ырь*». Словно шелест листвы. Или просто деревья шумят?

Дима не любит, когда ему что-нибудь кажется.

Люди говорят: «Когда кажется, креститься надо». Однажды Диме «показалось», и он перекрестился – не помогло. С тех пор, если ему что-то начинает казаться, он вынимает нож.

Но сегодня и вправду вокруг как будто спокойно.

«Нужно меньше запариваться насчёт этого хаштáру», – посоветовал себе охотник и продолжил крутить баранку. Только внутри всё равно сделалось нехорошо, и даже на миг давление слегка приподнялось.

Подобное случалось всякий раз при упоминании хаштару. Стоило Диме вспомнить омерзительную, лишённую кожи морду с зубами забором, выставленными на обозрение безо всяких губ, и провалом на месте носа... Стоило вспомнить взгляд глубоких, будто колодец глаз, как в ушах тут же поднимался гул, а дыхание схватывало.

Ну вот опять!

Дима крепче сжал руль до боли в пальцах.

Картинки всплывших воспоминаний, казались такими далёкими, что их можно было спутать с прошлой жизнью. Петербург. Дима с отцом остановились в дешёвом хостеле на маленькой улочке под названием Свирская. Отец был недоволен отсутствием поблизости охраняемых стоянок, но хостела дешевле они не нашли.

Макаровы не собирались задерживаться в городе надолго. Два убийства, привлёкшие их внимание, легко могли совершить *люди*, но это ещё нужно было проверить. Нападения произошли на Сенной площади и на пересечении Думской и Ломоносова с дистанцией в одну неделю. Само по себе не удивительно: город большой, а у Думской и вовсе дурная слава – в народе её называют «барным гетто». По ночам вокруг скопища ночных клубов и баров не редко дерутся и даже стреляют. Но на этот раз, по слухам, жертву не просто избили, прирезали или подстрелили, а весьма жутко искромсали. Социальные сети быстро разбухли от теорий, будто обе смерти на совести Питерской мафии, которая так казнит своих врагов: отдаёт их на растерзание бешеным собакам, а затем выставляет тела на показ в людных местах. Впрочем, теории эти ничем не подтверждались, особенно если учесть, что обе жертвы были непримечательными: обычный офисный работник и библиотечарша, которых ничто не связывало, кроме характера увечий.

Посёрфиф Интернет, Дима быстро вычислил, что слух о мафиозных разборках пустил местный новостной сайт, обильно промышляющий желтухой, а народ уж как-то сам подхватил.

К сожалению, осмотреть тела несчастных самостоятельно Макаровы не могли: те находились в судебно-медицинском морге; фотографий в сети тоже не засветилось, так что пришлось ориентироваться на слухи. Если раны жертв и вправду были такими страшными, что ответственность за них приписывалась стае голодных мафиозных псов, значит нападавшим действительно мог оказаться...

Хаштару.

Отец давно охотился за этим вырождением и, казалось, наконец-то взял след. И Сенная и Думская – места достаточно людные, а посему вполне могли привлечь внимание хаштару, если б только не были так хорошо освещены – со светом хаштару никак не дружил.

Макаровы разделились. Дима остался на Свирской, а отец думал отыскать зацепки прямо на местах убийств. Он собирался по очереди подъехать к обоим местам на автомобиле, чтобы пешком исходить округу и внимательно всё осмотреть.

– Какой смысл таскать оружие на себе? – спросил Дима, извлекая из потайного дна багажника «Тундру» – двуствольный карабин, одну из лучших пушек в их арсенале – и передавая её отцу. – Ты и так всегда на колёсах: всё под боком.

Макаров старший нахмурил густые брови, укладывая ружьё в небольшую спортивную сумку.

– И что, если я встречу «нашего парня» на улице, ты мне предлагаешь попросить его подождать, пока я открою багажник и разберусь во всём этом хламе?

Кроме «Тундры», «Пустынного орла», самопальных бомб, начинённых осколками из золотых украшений, и заговорённого пластунского ножа «Витязь», которые Макаров старший, естественно, взял с собой, в их багажнике хранилось и менее современное вооружение. Панабас, клевец, касуригама, клеймор, наговоры с которых сошли, наверное, ещё в прошлом столетии: всё это, и прочий мусор, половиной из которого Диму даже никогда не учили пользоваться, перешло к ним по наследству от дедушки, а тому от его дедушки, а тому от его...

Пока отец ходил по ночной Думской, Дима дожидался его в их небольшой хостельской комнатухе на другом конце города. Окна её выходили прямиком на Дунайский проспект, рядом высилась многоэтажка причудливой формы. Дима где-то слышал, что у всех подобных необычных зданий в Питере должно быть собственное имя, но не знал имелось ли оно и у этого здания тоже.

Отец поручил ему отлить впрок несколько золотых пуль для «Тундры» и, конечно, привести в порядок свой кевларовый жилет. С последним как раз накануне приключилась беда: вдали от цивилизации, в дремучем еловом лесу Диму застал врасплох дрекавац. Одним ударом длинных тонких когтистых пальцев он подбросил парня на полтора метра в воздух. В результате углы некоторых искривлённых пластин жилета вогнулись внутрь и ранили острыми краями даже сквозь волокно, отчего жилет стало невозможно носить. Диме было жаль ценную броню, и всё-таки он был рад, что большая часть страшной силы дрекаваца пришлась на неё, а не на его собственный бок. Оглушённый атакой, Дима некоторое время просто лежал на спине и обязательно погиб бы, если б не подоспел отец и одним выстрелом из «Тундры» не снёс дрекавацу его непропорционально большую голову.

Жилет обязательно нужно было поправить, но Дима отложил плоскогубцы и с дешёвым смартфоном в руках «прыгал» по тематическим хэш-тегам в «Твиттере» и «Инстаграмме». В тот вечер он провёл в сети массу времени, выяснил, как подписывают свои фотографии гости баров и ночных клубов на Ломоносова и Думской, а затем просматривал их посты, сделанные в день убийств.

Люди, рассчитывающие на анонимность в Интернете, люди, бурно реагирующие каждый раз, когда очередная корпорация попадает на манипуляциях с их персональными данными, люди, ратующие за тайну переписки: все они с радостью выкладывают в общий доступ всю информацию о себе, и обо всех своих передвижениях. Таким только мёртвый не воспользуется.

Дима не питал оптимизма отца насчёт поимки хаштару. Петербург огромен! Ужасающе огромен! Найти здесь кого-нибудь, кто даже не пытается спрятаться – задача не из лёгких. Чего уж было и говорить об охоте? Парень надеялся отыскать в соцсетях какое-нибудь подтверждение тому, что за убийствами в очередной раз стоят обычные люди. Но вместо этого нашёл короткое видео...

Немолодая уже девушка засорила свою ленту видеороликами длиной по три-четыре секунды. Блондинка в красном платье и с излишне толстым слоем помады на губах. Вряд ли она могла быть той самой библиотечаршей. В своих роликах эта девушка запечатлела себя, дрыгающуюся на танцполе, глядя во фронтальную камеру, свой коктейль у барной стойки, а также себя и подруг, со счастливыми лицами кричащих что-то в телефон, чего было не разобрат из-за шумной музыки. Последнее видео в веренице длилось три секунды. На нём эта же блондинка стояла теперь на улице и звонко орала в камеру: «Питер форева!», а потом в аркаде за её спиной резко погас свет. На чёрном квадратике ролика силуэт девушки был едва различим. Она оглянулась, и видео закончилось.

После этого видео в ленте размещались и другие посты, значит с самой девушкой ничего страшного не случилось, к тому же, судя по информации в её профиле, она никогда не работала в библиотеках. Зато теперь Дима знал: другая, менее удачливая девушка, вполне могла наткнуться на хаштару, ведь яркий уличный свет – единственное, что могло бы защитить её – кто-то вырубил.

Дима перезапускал видео несколько раз: поставить паузу на нужном месте в трёхсекундном ролике бывает не просто, особенно если у телефона сенсор глючит. Но в итоге он убедился: это именно та аркада на пересечении улиц Думской и Ломоносова, сомнений быть не могло. Как не могло быть и никаких совпадений – людное место, темнота, изодранная жертва – почерк хаштару. Вместо опровержений он, сам того не желая, выудил доказательства: чутьё Макарова старшего не подвело. Снова.

Едва Дима успел переварить увиденное, как в окне их съёмного номера на Свирской стало на одно светлое пятно меньше. Парень поднял глаза: за парковочными площадками, на противоположной стороне Дунайского проспекта, одно за другим погасли все окна высокого студенческого общежития. Сначала на первом этаже, затем, почти одновременно на втором, за ним на следующем, и так до самой верхушки. Как будто некто зажёл новогоднюю гирлянду, только наоборот.

Чудовища не гасят свет, им не хватит мозгов. То есть не должно хватить. По крайней мере, об этом говорил тот сравнительно небольшой опыт, который Дима успел перенять у отца...

Задолго до появления Димы его отец уже был охотником. Он не стал охотником, а именно был им, потому что им и родился. Как и его собственный отец. И отец его отца. Давным-давно, кто-то из предков Макаровых по мужской линии, возник, как естественный ответ природы на Скверну – тёмную сущность, концентрацию злобы и всех пороков мира. Возник дабы Скверну искоренить.

Диме не особенно нравилось такое излишне патетичное объяснение Скверны и появления охотников. Но за неимением альтернатив он был вынужден с этим объяснением смириться. На словах оно, конечно, звучит красиво, но на деле означает лишь, что в мире время от времени случается всякое дерьмо. Вроде утечки газа, паводка, или крушения авиалайнера из-за не затянутой, но очень важной гайки... И иногда оказывается, что за очередное дерьмо повинен не кто-нибудь, а Скверна. Такое случается редко, и всё же случается.

Она протекает в недрах Земли, и никому не ясно, откуда она там вообще берётся. Но время от времени Скверна проступает на поверхность планеты. И когда её накапливается слишком много, она оборачивается очередным дерьмом. Родовым проклятьем, к примеру, или, куда чаще – скверником. Так у Макаровых принято называть чудовищ, нашедших себе отражение в страшных сказках и городских легендах.

Охотник храбр.

С самого детства Диму воспитывали в атмосфере страха и дисциплины. Отец натаскивал его подмечать странности, учил обращаться с оружием, чтобы, повзрослев, сын мог самостоятельно выслеживать и убивать существ, чьи возможности намного превосходят человеческие. А с семнадцати лет стал брать Диму с собой на вылазки.

Поздновато – сам Макаров старший начал охотиться в компании собственного старика уже годам к тринадцати.

И тем не менее за три-то года путешествий с отцом Дима уже успел набраться достаточно опыта и запросто мог в одиночку сладить с болотным огоньком, а то и тварью покрупнее, вроде навки или даже умертвия. Вот только хаштару сбил его с толку. Обычно скверники себя *так* не ведут. Очень странное существо...

В отцовских записях, хранящихся в бардачке, сказано: *«Хаштару – смертоносная тварь, выглядящая, как освежёванный человек. В темноте легко спутать с гулем, но в отличие от гуля, его плоть не красная, а чёрная, смоляная.*

Опасен. Имеет мистическую власть над волей человека, пока держит пальцы на его черепе.

Избегает света. В тени, сливается с темнотой, и становится почти неуловимым. Чтобы замедлить его, нужно направить на него свет».

Дима так и сделал.

Он вошёл в студенческое общежитие с фонариком и первым делом, поднимаясь на каждый новый этаж, проверял пробки. Когда он повернул пробки на третьем этаже, вместо света

последовала лишь короткая яркая вспышка, как от удара молнии, и звук бьющегося стекла. Кто-то разбил лампу в коридоре. Кто-то напал на Диму в темноте. Завязалась драка. Фонарик отлетел в дальний угол.

В луче бледного рассеянного света, Дима видел, как раненное чудовище нырнуло в ближайший дверной проём. Бежать за фонариком не было времени, Дима бросился за хаштару и почти моментально отыскал на стене тёмной комнаты выключатель. Но когда свет загорелся, тварь уже пряталась за спиной у жильца – молодого студента, ровесника Димы – положив тому пальцы на голову.

Охотник не знает жалости.

Макаров направил на чудовище пистолет, но так и не смог прицелиться: скверник ловко укрывался за заложником. Заложником! Чёрт, это действительно был заложник! Ни одна бес-тия, которых приходилось видеть Диме, не догадалась бы взять заложника. Но хаштару – какой-то новый уровень.

Дима растерялся, а выродок, используя волю и руки жертвы, разбил гитарой единственную лампочку, висевшую под потолком. И, как только свет погас, тут же умчался.

Разве Дима не погнался за ним? Разве не выпрыгнул прямо в окно, несмотря на третий этаж? Разве мало сам себя казнил за то, что упустил хаштару? Отцу было плевать: Дима крупно облажался, он пожертвовал возможностью прикончить тварь из жалости к какому-то студенту. Подобное недопустимо.

Макаровы разругались, после чего сконфуженный и разозлённый сам на себя молодой охотник просто сел в отцовский автомобиль и уехал к чертям подальше от собственного стыда. Так и разделили имущество: отцу досталось всё, что он переложил в сумку, а также то немногое, что Дима успел вытащить в хостел: карабин, крупнокалиберный пистолет, отличный нож, пулелейка, оба бронежилета, и кое-какие инструменты. Дима же увёз с собой всё антикварное оружие, припрятанное в потайном дне багажника, отцовские записи, поддельные документы и другие вещи, оставленные в автомобиле.

Конечно, без всего этого отец не пропадёт – это само собой, за него Дима не переживал. Но вот смог ли он снова выследить и, наконец, убить неуловимое чудовище в одиночку и на своих двоих? Едва ли. Дима однозначно всё испортил.

Когда он перебесился, остыл и собрался вернуться к отцу, случайно обнаружил деятельность вампира в селе, где остановился на ночлег. Конечно, Дима его убил. То был его первый опыт сольной охоты. Но вместо того, чтобы возвратиться к отцу с победой, он продолжил колесить по стране. В следующий раз, собравшись с духом для возвращения, натолкнулся в лесу на след грызозуба – весьма крупного животного полумедведя-полукрысы с прочными, как медь зубами. Впрочем, череп его оказался не настолько крепким, и выстрела из дедовского ружья не выдержал.

На своём недолгом пока пути Дима уже успел встретить множество чудовищ. Он соби-рался убить их всех. Только тогда он набрался бы смелости вновь посмотреть отцу в глаза.

«Волга» плавно, со скоростью пешехода, катилась по улочке маленькой деревушки «Тихозёрки». Дима глядел по сторонам в поисках кого-нибудь из местных, кто выглядел бы так, словно может слить немного бензина с бака. Таким человеком оказался болтливый старичок, назвавшийся Кузьмичом. Денег за помощь он взял немного, и Дима, вернувшись за руль, уже собирался покинуть деревню, когда случилось непредвиденное. Вернее, не случилось ничего. Дима повернул ключ – и тишина.

Попробовал снова.

– Э! – возмутился он и пристукнул рукой по приборной панели.

Не помогло.

– Что такое? – поинтересовался Кузьмич.

– Не знаю... Не заводится!

– А ну-ка, ещё раз... – Предложил мужичок, просунув нос над опущенными стёклами. – Слушай!

Дима повернул зажигание ещё раз и прислушался – тишина. Мёртвая. Двигатель даже не булькнул для приличия

– Вообще ничего! – констатировал Кузьмич.

– И что теперь делать? – почти испуганно спросил Дима.

– Пока непонятно, надо зажигание смотреть. Давай её до Григорича дотолкаем, он и поглядит. Но я и без него скажу, что или коммутатор менять придётся или стартёр.

Кузьмич несколько раз пытался завязать разговор, пока они с Димой толкали автомобиль, но всё больше кряхтел и сам же перескакивал с темы на тему. Так что Макарову оставалось лишь вежливо кивать и периодически давать короткие ответы на обычные вопросы. Пока он вдруг не заметил возле одного из домов опёртую на калитку крышку крохотного детского гробика обитую красной тканью.

– У вас траур? – кивнул Дима на крышку.

– Это?.. А, да. У соседа нашего – Петра Васильевича – сын пропал. Искали-искали. А у него сразу как сердце чувствовало: в озере, говорит.

– И что оказалось?

– А то и оказалось. Выловили. Вчера вон гроб уже сколотил. Сам.

– Сколько лет ему было?

– А чёрт его знает: десять-одиннадцать, – Кузьмич остановился. – Давай передохнём.

На самом деле Макаров мог бы и без посторонней помощи протолкать свой автомобиль хоть через всю Тихозёрку. Но решил подождать.

– А озеро далеко?

– Да уж поди, километра четыре будет, – прикинул Кузьмич.

Охотник присвистнул:

– И часто вы тут молодняк так далеко без присмотра пускаете?

– Да кто ж его пускал? Он же ночью ушёл.

– Ночью?..

Дима сложил обе руки на крыше автомобиля и устало опустил в них голову, как скучающий школьник за партой.

– Ну, – кивнул Кузьмич. – Батяка его и говорит, с вечера обоих сыновей уложил, с утра только одного и нашёл. А второго – Митьку – так в пижаме из воды и достали.

– В пижаме, значит... – Дима задумался. Почти минуту простояли в тишине, а после он вдруг спросил. – Босого?

– Чего?

– Обувь его, – пояснил Макаров, – на нём была? Или на берегу?.. Башмачки какие-нибудь, сандалики не находили? Или велосипед хотя бы неподалёку от озера. Был у него свой велосипед, или ещё что?

– Да я почём знаю, чего там рядом с ним находили али не находили? – рассердился Кузьмич. – Буду что ли там заглядывать или спрашивать? Тут горе такое! Кому дело-то есть в чём он там обут был или не обут?

– Просто, раз его в пижаме выловили, – рассуждал вслух Дима, – то может его кто-то из кровати спящего вытащил. Если так, то он должен быть босой. И тогда вокруг не найдётся ни обуви, ни велосипедов.

– Чо-о-о?! – растянул Кузьмич. – Ты что же думаешь, его кто-то утопить мог что ли?

– А никто не мог?

– Нет, конечно! У нас в деревне все друг друга в лицо знают! Да и кому ж это может быть надо?

– А участковый у вас в деревне есть?

– Имеется.

– И что говорит?

– Что говорит, что говорит? Что утонул, говорит! – взъерепенился старичок. – В доме окна-двери целы. Второй малец ничего не слышал, а спят они друг у друга под носом, значит Митька сам купаться ушёл. А ты чо это прицепился?! Сам не на мента ли учишься, студент?

– Нет, но и без ментов скажу, что так не бывает, – горько усмехнулся Макаров.

– Как не бывает?

– Одиннадцатилетние мальчишки не ходят в одиночку посреди ночи за четыре километра купаться на озеро. Ещё и не одевшись нормально.

Охотник на чудовищ выпрямился и дружелюбно похлопал свой автомобиль по крыше:

«Значит, не зря ты решил придержать меня в этой глухомани, дружок», – подумал он.

II. Ты не будешь кричать

В гараже Григорича полки у облупленных стен были завалены всевозможным хламом. Помимо гаечных ключей всех размеров, нескольких наборов отвёрток и деревянных ящичков с гнутыми и не гнутыми гвоздями, да потемневшими болтами, то тут то там из-под ворсистых тряпок выглядывали пружины и железки разной формы, назначение которых было Диме неизвестно. Недалеко от входа составленные друг на друга лежали автомобильные покрышки со стёршимся протектором. Другие, приставленные к дальней стене, выглядели новыми. Возле груды железа, выпотрошенного из легковушки или, может быть, трактора, стояло не меньше пяти канистр тосола и антифриза.

Утренний свет, живой и чистый, входил внутрь через широко распахнутые ворота и моментально тускнел в тяжёлом воздухе, до удушья воняющем бензином и соляровкой. С небеленого потолка свисала лампочка без люстры, но добрый слой пыли делал её почти бесполезной. Впрочем, влажной тряпки не хватило не только ей: всё подряд в гараже покрывали изначальные пыль и мазут. Казалось они рождались именно здесь, в проржавелых жестяных тазах, сходили с заскорузлых деревянных табуреток, ощеренных щепками, выбирались из протяжённой смотровой ямы прямо по центру; и именно отсюда уходили в мир.

Несколько местных обитателей собрались кружком кто на раскладных стульях, кто на покрышках. В центре между ними стоял импровизированный стол из перевёрнутого ящика, накрытого газетой, где нашлось место копчёной колбасе, половине буханки хлеба, грубо разорванной слишком коротким для неё ножом, и конечно, бутылке водки.

Судя по покрасневшим глазам, глушили с утра. Тем не менее, когда Кузьмич представил Диму и поделился бедой, все мужички с неожиданной энергией поднялись на ноги и окружили автомобиль.

– Ага! Ну посмотрим... Скорее всего коммутатор сгорел, – предположил чёрный от сажи Григорич после того, как Дима продемонстрировал проблему.

– Ну. Я так и сказал, – поспешил напомнить Кузьмич.

– А это ты сам тачку наворотил?

Макаров, вспомнив деда, едва заметно улыбнулся. Был бы дед сейчас здесь, он бы гневно ответил, что на тачках мужики по селу навоз возят, а это – автомобиль. Но Дима, в отличие от деда, не видел в словах «тачка» или «машина» ничего оскорбительного и потому спокойно ответил:

– Ремонтники постарались.

– М-м-м, – протянул Григорич.

А кто-то из его товарищей зачем-то спросил:

– «Волга»?

Хотя по тону ясно угадывалось, что ответ ему и без того известен.

– Двадцать четыре десять, – кивнул Макаров.

– Ну-у-у, – довольно протянул спросивший. – Сам вижу.

– А раз видишь, чо спрашиваешь? – передёрнул Григорич уже из-под открытого капота.

– Так я это...

– Ремонтники накрутили, говоришь, – не дожидаясь ответа товарища, Григорич снова обратился к Диме. – А чего ломалось?

– Кузов сильно деформировался, – абстрактно обобщил Дима, чтобы не развивать тему. – Взамен эксклюзивный заказали.

На самом деле эксклюзивным в этом автомобиле было почти всё. За время своей службы он получил столько повреждений, что несколько раз его пересобрали буквально с нуля. Фак-

тически от «Волги» в нём осталось только название, переходящее по наследству от инкарнации к инкарнации и, пожалуй, несколько ключевых элементов двигателя.

– Батя, поди, ещё твой на ней гонял?

– Ещё дед.

– Ещё дед, – одобрительно подхватили мужики в один голос и закивали головами.

Они принялись копошиться во внутренностях несчастного автомобиля. Время от времени указывая Диме вымазанными в машинном масле пальцами на те или иные детали. Они постоянно поясняли, что к чему, но не слишком заботились о последовательности своих уроков, и постоянно друг друга перебивали, так что Дима ни черта из их лекций не вынес. Зато проблему обнаружили быстро: действительно сгорел коммутатор.

Кто-то вспомнил, что «где-то тут был» запасной для школьной «Газельки», и что он вполне мог бы сойти и для «Волги». Но этот коммутатор так и не нашёлся. Поэтому ничего другого, кроме как приобрести новый, Диме предложить не смогли. Стоить новый коммутатор, по словам Григорича, должен не больше шестисот рублей.

Это укладывалось в остатки бюджета Макарова. Но от Тихозёрки до ближайшего города с магазином автозапчастей ни много, ни мало семьдесят километров.

Мужики обязались за вознаграждение найти и привезти охотнику пресловутую деталь, но очевидно, в связи с их нынешним состоянием, не сегодня... И, скорее всего, не завтра.

– Перекантуешься денька два. Люди у нас хорошие, добрые, сам видишь, – рассказывал датый Григорич. – Мы всем рады. Тут недалеко и гостиница есть даже. Её Сонька держит – отличная девчонка, тебе понравится. Ровесница твоя.

Григорич заговорщицки подмигнул и объяснил на пальцах, как найти гостиницу.

Макаров дружелюбно улыбнулся в ответ, а сам, выйдя из гаража на свежий воздух, тяжело вздохнул. Если сложить цену коммутатора и награду для мужиков за починку, даже чисто символическую, то денег ни на какую ночлежку у него уже не остаётся.

Он тревожно оглянулся на гараж. Багажник его «Волги» был битком набит разнообразным оружием. Конечно, оно надёжно спрятано в двойном дне и мужики до него вряд ли доберутся, но чувство тревоги всё равно кольнуло. Он теперь беззащитен, а в Тихозёрке, возможно, обитает некое чудовище, утопившее мальчонку.

Впрочем, это ещё предстояло проверить. Практика Димы показывала, что зачастую самыми страшными чудовищами в конечном итоге оказываются люди. А это уже не его юрисдикция.

Макаров окинул улицу критическим взглядом. Деревня, как деревня. Таких он повидал уже сотни. Два ряда сравнительно невысоких домиков по обе стороны от разбитой дороги, на которой вдалеке ребятня гоняет мяч. Вдоль заборов – бурьян, хотя некоторые дворики выглядят вполне ухожено и прилично. На дороге то тут, то там лежат высохшие коровьи лепёшки. Самих коров не видно, но возле забора дома, соседнего с гаражом Григорича, щипают траву две козы.

Охотник внимателен.

Дима вдохнул полную грудь чистого, прохладного деревенского воздуха, и собрался было искать гостиницу, но первым же шагом угодил во что-то неприятное: мягкое и вместе с тем ломкое. Под ботинком захрустело.

Макаров поспешил убрать ногу и глянул вниз. Мёртвая птичка лежала, распластав по земле крылья. Умерла совсем недавно – глаза не успели сгнить, и все перья казались по-птичьи опрятными и вычищенными.

Дима покрутил тушку носком ботинка, но не нашёл никаких ран. Впрочем, он сделал это просто так, без интереса, и в следующую секунду уже шагал по усеянной рытвинами дороге, ища глазами указанные Григоричем приметы.

Вообще, удивительно, что в такой небольшой деревне, как Тихозёрка, где все улицы, проезды и переулки можно перебрать по пальцам, в принципе есть гостиница. Зачем? Кто сюда приезжает? Может, тут раньше был какой-нибудь детский лагерь или санаторий? Возможно... Но если они когда-то и существовали, сегодня уже канули в лету.

Проходя во второй раз мимо красной крышки гробика, Дима ненадолго остановился.

Убитых горем родителей во дворе не было, как и брата покойного, о котором успел упомянуть Кузьмич.

Если только этот болтливый старичок ничего по незнанию не напутал, то что-то со здешним утоплением нечисто.

Макаров обязательно разберётся что к чему.

Впрочем, на это его толкало не чувство справедливости, а скорее желание реабилитироваться в собственных глазах. Дима старался относиться к своему ремеслу совершенно спокойно. Если всё вокруг принимать близко к сердцу, то здоровья надолго не хватит. Ведь в том и заключается главный парадокс охоты на бестий – ты не сможешь никому помочь, пока уже не будет поздно. Кто-то должен стать жертвой: только так скверники могут обнаружить себя.

Конечно, из любого правила есть исключения, но на то они и исключения, чтобы встречаться исключительно редко. И на то чудовища и чудовищны, чтобы причинять вред всему вокруг себя. Вспомнить хотя бы того грызозуба; сколько лесного зверья он успел загубить? Что уж и говорить о тварях, привыкших обитать по соседству с человеком. В каком-то смысле Тихозёрке даже повезло: обычно прежде, чем скверник успеет привлечь к себе внимание охотника, жертв накапливается намного больше одной.

Дима ещё учился в школе, когда его отец услышал об актах канныализма на Камчатке. Из шести человек, подвергшихся нападению, выжил только один, и отец решил проверить – на всякий случай.

Выжившего содержали в военном госпитале. Пятьдесят процентов кожного покрова на его лице было съедено. Остался один глаз. Голову обмотали бинтами. На левой руке не доставало четырёх пальцев.

Врачи, конечно, никого к нему не пускали, но ночью Димин отец тайком проник к койке несчастного, чтобы поговорить. Когда охотник спросил о том, что случилось, тот смог выдать из себя лишь несколько слогов.

«Хаш», – не то сказал, не то прохрипел он увечным горлом и тут же умолк, открывая и закрывая рот, хватая воздух, пока измученный взгляд единственного уцелевшего глаза примёрз к ночному гостю. «Та», – случайный звук, как будто недоеденный калека просто выдохнул частицу своей боли, попытался её отхаркнуть, но не вышло. Он молчал, и воздух тихо свистел, вылетая сквозь бинты в том месте, где у человека должен быть нос. Макаров старший терпеливо выжидал, что он скажет. Только терпение охотника подошло к концу, и он начал задавать наводящие вопросы, несчастный ухватил здоровой рукой его руку, подался, как мог невысоко, вперёд и булькающей глоткой прорычал: «Р-р-р-р-у».

Стало ясно, что других сведений от него получить невозможно.

Три выживших слога Макаров старший сложил в слово – хаштару – чтобы использовать его, как рабочее название скверника, пока не будет установлен его точный вид.

Позже оказалось, что нет такого вида: на Камчатке зародилось новое, доселе небывалое чудовище. Скверна течёт и меняется, подстраивается под изменчивый мир.

То, что за убийствами стоит не человек, было понятно практически с самого начала. Ведь все нападения происходили недалеко от мест больших скоплений людей, но никто не слышал

криков жертв. Несчастных пожирала живьём буквально в нескольких шагах от ничего не подозревающих горожан. Можно было предположить, что тела переносились после смерти, но лужи крови указывали на обратное. И при том никаких следов ядов в телах убитых токсикологи не нашли.

Ответа на парадокс могло быть только два. Или какой-то хитрый психопат заморочился со сложной инсталляцией: ловил жертв в удобных местах, убивал вдали от свидетелей, собирал их кровь, а затем каким-то образом незаметно подбрасывал трупы в парки, скверы, на набережную... Причём работал молниеносно, по словам судмедэкспертов, отмеривших время смерти, да и с кровью уж как-то очень ловко обходился: если и терял, то совсем какие-то незаметные крохи.

Или всё-таки не обошлось без Скверны – и, как теперь известно, именно этот вариант оказался правдивым.

Почему жертвы не звали на помощь, отец Димы выяснил позже. Всё из-за способности хаштару подавлять волю человека. У беспомощных, пожираемых заживо людей оставалась последняя привилегия – выплёскивать свою боль криком, но хаштару отнял и её.

Они встретились впервые именно там, в госпитале. Когда Макаров старший тихонько покинул палату выжившего, его сразу насторожила темнота в коридоре. В госпиталях всегда горит свет по ночам, и когда охотник пробирался внутрь, свет горел, как и положено. Но тут он погас.

Наверняка одноглазый выживший был уже убит, потому что чудовище напало на Макарова старшего сзади, со стороны палаты. Чёрные, контролируемые разум пальцы легли ему на череп. Однако тёмная сила Скверны не подействовала на охотника, тот ловко выломал бестии руку и завязалась драка.

Хаштару двигался с непостижимой для человека скоростью. Он как будто наполнил собой весь коридор госпиталя. К тому же – чёрный – он оказался почти невидим в темноте.

Отец Димы вертелся, как ураган, отмахиваясь от чудовища ножом, но скверник всё равно умудрялся наносить ему рваные раны одну за другой. Прошло не больше пяти секунд, прежде чем Макаров старший успел выхватить и включить фонарик, но и этих мгновений хаштару хватило, чтобы изодрать и вымотать охотника. Зато под лучом света бестия сразу же замедлилась до человеческой скорости и сбавила натиск.

Тогда охотник отступил вглубь коридора, выискивая выключатели. Ни один не сработал. Макаров старший продолжал держать хаштару на расстоянии под лучом фонаря, подбираясь всё ближе и ближе к электрощитку. Поравнявшись с целью, он лишь на мгновение отвёл от бестии фонарь, чтобы подсветить себе пробки.

Когда на потолке замерцали продолговатые люминесцентные лампы, чудовище уже исчезло.

С такой странно-мыслящей тварью Макарову старшему прежде иметь дело не приходилось. Хаштару не только отключил свет (именно отключил, а не выдрал электропроводку с корнями), он также убил дежуривший ночью персонал госпиталя. Очевидно убийства были совершенны не ради еды, а чтобы добраться до жертвы. Раны читались легко: один точный удар по горлу – быстро и практично. Словно заматающий следы убийца вернулся за свидетелем.

С того дня хаштару обернулся для Макарова старшего главной охотой в жизни. Девять жертв на Камчатке. Ещё двадцать одна в течении нескольких лет, пока охотник гонялся за чудищем по всей Восточной Сибири.

Со временем отец понял, что не изловит тварь в одиночку. Тогда он, наконец, взялся за Диму. Они стали охотиться вместе, чтобы Дима набрался опыта.

И вот, относительно недавно в Петербурге, хаштару снова заявил о себе, убив ещё двух человек.

Дима подобрался к чудовищу так близко, как никогда не удавалось его отцу. А затем, он упустил его...

И против всех перечисленных смертей только один утопленник в Тихозёрке.

Да... Местным ещё повезло.

Дима неторопливо брёл между похожими один на другой домами с табличками, подписанными типичными «советскими» названиями: «Комсомольская», «Победы», «Краснознамённая». Прошагал мимо ларька с красной вывеской «Продукты», добрался до почти такого же, но с уже «синими» «Продуктами», свернул, как и предписывал Григорич направо и, спустя несколько минут, вышел к административному центру – на улице «Мира».

Асфальтированная дорога, хоть и пребывала в плачевном состоянии, могла гордиться своей выдающейся сохранностью в сравнении с теми, какие Дима уже успел лицезреть.

Вдруг затренькали знакомые любому уху металлические звоночки: Дима оглянулся и отступил на шаг – мимо, поднимая пыль и ветер, тотчас промчались несколько мальчишек на велосипедах, по виду, передаваемых по наследству от четвертого колена. Потускневшие катафоты, надетые на спицы, не сияли, как от них ожидалось, но это мало заботило велосипедистов. Одетые в застиранные футболки, а кто и с голым торсом и майкой, повязанной прямо на лбу, они кричали на всю улицу и гнали, что было дури наперегонки. Доехав до некоего ориентира известного только им, свернули и скрылись так же быстро, как возникли.

Последние отзвуки их погони осели вместе с пылью, и улица погрузилась в прежнюю тишину. Дети представляли собой единственный видимый глазу намёк на жизнь в Тихозёрке. Они скрылись – и жизни не стало. И не стало почти ничего, за что бы мог зацепиться глаз.

Разве только за одинокую дворнягу. Полная противоположность энергичной ребятне. Собака бродила неподалёку, то и дело укладываясь где-нибудь полежать. Всякий раз её что-нибудь не устраивало. Она поднималась и проделывала ещё несколько ленивых шагов прежде, чем снова улечься. И больше ничего. Олицетворение всеобщей местной вялости и досужия.

Несколько минут спустя, Дима стоял возле дома с гостиничной вывеской, докуривая сигарету. Он уже начал оглядываться в поисках урны, когда вдруг услышал девичий голос:

– Только не бросай на землю!

– Нет-нет, я как раз смотрел, куда можно.

Дима обернулся.

На крыльце стояла среднего роста девушка, лет двадцати, двадцати двух, одетая по домашнему во всё «рабочее», с платком на голове, из-под которого кое-где выглядывали русые волосы.

– У нас нет урны, – засуетилась она. – Подожди секунду.

Девушка скрылась в доме и через мгновение уже выскочила со старым металлическим ведром:

– Вот: брось сюда, – сказала, открывая калитку.

Дима так и поступил. Подался чуть вперёд, проводил взглядом окурок, отступил на шаг, затем, поднимая глаза, как будто случайно заглянул девушке в лицо – чистое, без родинок – и тут же отвернулся.

– Спасибо. А то нет сил всё тут каждый раз убирать.

– Вы – Соня? Это ваша гостиница?

Дима качнул головой на вывеску, а после опустил на девушку мягкий, широкий взгляд.

– Постоялый двор, – поправила Соня. – Мы с мамой живём в правой части дома, а с этой стороны сдаём комнаты. Хотел заселиться?

Поставив ведро около ограды, она выпрямилась, невольно ответила на взгляд Макарова и на миг как будто оробела.

Помимо родового ремесла, мужчины в семействе Макаровых передавали друг другу необыкновенный цвет глаз. Радужка казалась на первый взгляд карей, но при внимательном рассмотрении под нужным углом наливалась чародейской позолотой. Эта особенность в сочетании юным лицом Димы, объединяющим в себе благородную мужественность и почти женскую нежность, всегда оказывала особый эффект на девичьи сердца. В средней школе девочки побивали все углы, бегая за ним. Одна даже писала стихи, в которых говорилось, что у него «солнце в глазах».

Но Соня уже не сопливая девочка, и наверняка одного внешнего вида оказалось бы мало, чтобы вот так запросто смутить её.

Оказалось бы, кабы жила она в городе, а не в «стареющей» Тихозёрке, где местные, как успел подметить Дима, или много старше Сони, или совсем ещё дети. Подобные деревни не могут дать современной молодёжи ни интересной работы, ни безбашенного отдыха. А уж в самой Тихозёрке, на первый взгляд, даже хозяйства толкового никто не вёл. Из развлечений, скорее всего, одно пьянство, драки и бесконечные сплетни. И всё Сонино поколение, наверняка, закончив школу, перебралось в город на учёбу, а сама она осталась тут, помогать матери управлять домом. Одинокой матери: «Мы с мамой», отца она не упомянула.

Дима взял небольшую паузу, пока подыскивал нужные слова: «Какая она? Как подобрать к ней ключ?».

Для начала, и это прежде всего бросалось в глаза, Соня – девушка видная, чего не скрыть под неряшливостью «рабочей» одежды. А раз другие молоденькие красавицы, как Макаров только что предположил, перебрались в город, Соня точно находится в центре всеобщего внимания. Весьма вероятно, внимания «грязного».

Дима не раз видел, как в других, подобных деревеньках, мужички, что ни пятница, нажираются и начинают приставать к своим «первым на селе», при том у самих уже и жёны, и дети давно. Девушка в таких обстоятельствах или становится одной общей «подругой», или превращается в камень, выдавая отворот-поворот быстро, каждому и не глядя.

Соня, без сомнений, пошла по второму пути. О том свидетельствовал прежде всего её облик: она уделяла минимум внимания поддержанию собственной красоты, а может быть и вовсе намеренно (хоть и безрезультатно) скрывала её, не желая и впредь оставаться объектом вождления деревенских пьяниц.

Охотник внимателен.

Хотя, пока всё это только домыслы. Диму долгое время приучали наблюдать, подмечать и дорисовывать картину мира до некой «условной полноты». И конечно, наспех сделанные выводы зачастую в последствии рушатся, потому как невозможно предугадать всего: действительность многообразна и неожиданна. Но наличие «рабочей версии» помогает сохранять чувство ориентации в пространстве, что порой оказывается важным не только на охоте, но и в быту.

К тому же, если отбросить сомнения, строгий, почти агрессивный взгляд девушки, сменившийся внезапной робостью, прекрасно вписывался в теорию. Соня словно «одичала» от отсутствия адекватного, не хамского общения с противоположным полом.

Внутренний нравственный стержень настойчиво запрещал Макарову злоупотреблять подобными вещами. Однако сейчас ему требовался ночлег, который нечем было оплатить. Поэтому Дима пустил в ход всё своё обаяние и показал очаровательную улыбку, которую ещё в школьные годы часами отработывал перед зеркалом.

– Мне нужно где-то переночевать, – вместо прямого ответа произнёс он, слегка пожимая плечами, как будто извиняясь за слишком долгую паузу, самого себя и предстоящую глупую историю разом. – Сегодня и завтра. Я путешествую, а мой автомобиль сломался. – Он потерянно указал большим пальцем себе за спину, где, конечно, не было никакого автомобиля, и снова неловко осклабился.

Чтобы убедительно улыбаться, нужно расслабить нижнюю челюсть, иначе улыбка будет выглядеть, как оскал. И не стоит забывать о мышцах в уголках глаз. Проще всего, конечно, быть искренним, но и без этого вполне можно обойтись.

– Отлично! – как одуванчик, пробившийся через асфальт, Соня воспрянула и расправила плечи, будто ощутила на себе роскошное платье вместо грязной куртки. – У нас очень уютные комнаты! Для путешественников самое то. – Она довольно упёрла руки в боки, а через секунду безотчётно махнула рукой на свой постоялый двор, словно без этой указки у Димы был шанс его не заметить, и радостно сообщила: – Все номера свободны!

Её лучезарная улыбка озарила Макарова. Тот на секунду стушевался и отвернулся слегка в сторону. Одно дело без остановки смотреть расслабленными глазами в лицо близким людям, но проделывать то же самое с незнакомцами – совершенно иной уровень. Здесь нужно долго тренироваться: если взгляд сам собой сосредоточится, собеседник начнёт чувствовать, как будто его сверлят. Тогда о всякой лёгкости в общении можно забыть.

– Но тут такое дело...

Этими словами Дима выиграл себе несколько мгновений на передышку, собрался с силами, и снова повернулся к Соне на вдохе:

– Понимаете... У меня совсем нет денег.

Набранный воздух заметно расширил диафрагму, отчего Макаров и сам стал как будто чуточку больше. Едва заметный эффект, но уверенность Сони мгновенно разбилась о него: девушка невольно отступила.

– Как?

И только.

Непонятно, чем отвечать на такой короткий вопрос, но если стоять и ничего не делать, Соня может просто «сорваться». Поэтому Дима тоже отступил на шаг, оставляя перед собой вакуум, который девушка сейчас же заполнила собой, машинально двинувшись следом.

– Путешествую налегке, – совершенно искренне сконфузился Макаров и развёл руки.

– Налегке далеко не уедешь, – дипломатично прокомментировала Соня.

По её лицу Дима понял, что слова прозвучали строже, чем она сама рассчитывала. Вдобавок он легко вытерпел колкость, отчего девушку снова «отбросило» назад, как если бы она попыталась сокрушить стену, вооружившись мечом.

– Да, – согласился Макаров, наступая. – Время от времени я подрабатываю. То тут, то там. В городе всегда есть деньги для тех, кто умеет работать руками. Небольшие, но хватает на бензин и еду.

Глаза Сони метались: она то начинала рассматривать Диму, то через секунду, уже стыдливо опускала взгляд, точно, чтобы поглядеть на него, ей приходилось смотреть против света.

– На бензин и еду? – немного загнанно переспросила Соня.

Дима приблизился слишком сильно и почти нарушил её зону комфорта, но вовремя нащупал черту и отпрянул.

– Да.

– А где же тогда ты спишь? – крепнувшим голосом пробормотала девушка.

Казалось, будто она наконец уловила странный ритм «качель» их диалога, как Макаров тут же обманул её, внезапно подавшись вперёд.

Слишком близко: теперь Соне приходилось стоять, запрокинув голову, чтобы не пялиться Диме в подбородок.

– В автомобиле. На заднем сидении.

Девушка продолжала стойко держать взгляд. Дима позволил ей выиграть и в последний раз отступил.

– Вообще-то, если руки не кривые, то работа бывает не только в городе, – по-хозяйски сказала Соня, развернулась и направилась за калитку к крыльцу.

– Вместо денег дам спальню, – бросила она через плечо.
И это было полностью её решением.

Оказывается на трассе, за триста метров до поворота на Тихозёрку, раньше стоял красивый стенд с указателем, сообщающий, что повернув направо, водитель может обнаружить ночлег на постоялом дворе у Сони. С месяц назад поднялся сильный ветер, он уронил стенд и сломал несколько стареньких деревьев в самой Тихозёрке. Обошлось без происшествий, но с трассы стенд больше не был виден.

Соня уже поручала землякам восстановить указатель, даже оплатила вперёд, как водится, бутылкой. Той бутылки давно и след простыл, а работа так и не начиналась. Никакая ругань достижению консенсуса не способствовала. Стенд остался валяться там в траве, потому что Соне не на чем было забрать его в Тихозёрку. Она только накрыла указатель полиэтиленом для сохранности, а сама перешла в режим обиженного женского выжидания, не упуская шанса при каждом удобном случае капнуть на мозги лентяям.

Зато теперь Макаров получил отличную возможность оплатить ночлег. Девушка снарядила его всем необходимым и отправилась с ним на пару к трассе, показать, где и что, да и просто проследить, чтобы на этот раз без дураков.

Путь оказался не близкий. Расстояние, которое автомобиль ещё утром покрыл за считанные минуты даже на тихом ходу, пешком ощущалось совсем иначе. Солнце теперь стояло высоко и припекало макушку да спину. В одной руке Макаров нёс ящик с инструментами, на другое плечо забросил несколько длинных досок, перемотанных проволокой. Под знойными солнечными лучами он быстро облился потом, можно подумать его дорожная одежда без того недостаточно пропахла...

Шагал быстро. Из-за разницы в росте Соня едва за ним поспевала. Она несколько раз пыталась завязать разговор, но тут же запыхивалась и отставала. Дима на то и рассчитывал: он слишком давно не принимал душ, и не хотел сбить девушку с ног неприятным запахом. Ведь ему нужно было сохранить некую загадочность в образе, если он всё-таки надеялся поселиться в гостинице бесплатно. А он надеялся. Очень.

Когда вышли в степь, задул прохладный ветерок. Коли так, Дима решил сбавить шаг и позволил Соне нагнать себя, предоставив ей место с наветренной стороны.

Ещё несколько метров по инерции проделали молча.

– И хороший улов приносил ваш стенд? – как бы невзначай поинтересовался Макаров.

Вообще он не мастак беседы вести. Он всегда предпочитал слушать и лишь изредка спрашивать. Вот и теперь вбросил хороший, как ему казалось, вопрос, в надежде спровоцировать Соню заполнить тишину самой.

Но та не особо разговорилась:

– Да.

Видимо, Соня уже примирилась с мыслью, что идти будут молча, и немного растерялась, когда Макаров вдруг подал голос.

Тогда Дима попробовал снова:

– Очень заметно его отсутствие?

– По правде, да. Очень!

После второго вопроса Соня, видимо, утвердилась в мысли, что Макаров спросил не для галочки и принялась рассказывать.

Постоянные клиенты у них с мамой – дальнобойщики, которые время от времени приезжают к местным торговать соляжкой. А также другие водители с дальних маршрутов, коих, правда, уже поменьше. И те, и другие про постоялый двор в Тихозёрке знают сами. Дорогу находят безо всяких указателей и продолжают приезжать. Но выручки с них немного, о прибыли речь вообще никто не ведёт: лишь бы выйти на самоокупаемость после уплаты налогов и коммуналки.

Другое дело, когда был указатель.

– Трасса популярная, – рассказывала Соня, – машин ходит много. Нет-нет, да свернёт кто-нибудь на ночь. Случайные гости – штука шальная, но мало-помалу деньги собираются хорошие. Я бы, наверное, даже будь ты при деньгах, всё равно предложила бы такую сделку: очень указатель хорошо гостей добавляет.

Она немного подумала и исправилась:

– Нет, не предложила бы. Это как-то странно предлагать гостю работу, когда он хочет взять номер просто отдохнуть, да?

– Пожалуй, странно, – вынужденно согласился Дима.

– Да, – кивнула Соня.

Ветер на короткий момент перестал. Макаров стиснул зубы и слегка посторонился, но девушка сдвинулась к обочине вслед за ним.

Дима с тревогой следил за изменениями на её лице, но Соня или не уловила, или проигнорировала душок нестиранной футболки.

– Так что, даже хорошо получилось, что ты... путешествуешь налегке, – последние слова прозвучали с лёгкой подколкой.

Снова подул ветер, Дима немного расслабился:

– Мне пришлось так ответить, потому что я потерял мою табличку: «Работаю за ночлег и еду».

Шутку отпустил без особой надежды на успех, но девушка, к удивлению, рассмеялась.

Макаров с довольным видом поклонился и снова спросил о Соне. Он ещё со школы выучил – хочешь развлечь человека болтовнёй, позволь ему рассказать о себе. Людям нравится говорить о себе, как бы странно не звучала сама мысль. Не нужно быть самовлюблённым нарциссом, чтобы испытывать потребность поделиться с кем-то своими планами, мечтами, переживаниями, достижениями... Это вполне естественное желание для многих. Вот только отыскать хорошего слушателя бывает очень непросто. Потому на остаток пути Дима подарил Соне свои уши, задавая ей короткие, но правильные вопросы.

Девушка открылась. Рассказала, что хотела бы поступить в ВУЗ на архитектора, но не может оставить маму одну: та в преклонном возрасте, так как Соня у неё поздний ребёнок. Старший брат, по словам девушки, очень хорошо помогает им деньгами, однако этого всё равно не хватает, и содержать постоянный двор для них с мамой – дело первой важности.

– А ты давно путешествуешь?

– Да, – расплывчато ответил Макаров. – Давно.

Он поправил доски на плече, надеясь, что они помогут ему собраться с мыслями. Дима знал, что рано или поздно это случится – Соня попытается перевести разговор на него.

– Я бы много где хотела побывать. В Питере, например. Там очень красивая архитектура. А ты бывал в Питере?

– Совсем недавно.

– Ух ты, здорово! Расскажи, а какой он вживую?

Дима пожал плечами, немного задумался и ответил:

– Большой.

– Большой? Вау, – саркастично ответила Соня. – А в Москве бывал?

– Да.

– И как? Она тоже – большая?

Макаров коротко кивнул и, понимая, что от него ждут всё-таки более развёрнутых описаний, добавил:

– А ещё она воняет.

– Воняет?

– Ну да... Воздух такой... Как будто весь город курит. Только хуже. Потому что, если б просто курил, я бы не заметил, так как сам курю. А вот Москва вонючая.

Соня легонько хихикнула:

– Из тебя красноречие прямо-таки хлещет, да?

– Просто я... Обычно больше спрашиваю, чем рассказываю, – прямо ответил он.

– Почему? Ты что – полицейский?

На лице Макарова возникла едва заметная ухмылка:

– Ты уже второй человек за день, который об этом спрашивает. Но нет.

– Правда? А кто ещё так подумал?

– Кузьмич. Он мне бензин утром продал как раз.

– На бензин деньги были? – почти строго спросила Соня.

– На бензин и еду, да, – попробовал отшутиться Дима, но и сам заметил, что вышло не очень удачно. – Это были последние. Я собирался добраться до города и устроиться там кем-нибудь, но автомобиль не завёлся.

– Да я шучу, чего ты, – с ноткой смешинки ответила девушка. – Так, а чем ты всё-таки занимаешься?

Дима соврал, будто путешествует с целью написать книгу о крае, в связи с чем его интересуют самые разные истории, ходящие по деревням.

Он это давно придумал.

Дима почти не умеет врать, из-за чего ему пришлось разучить несколько «легенд» о себе заранее. Порой он проговаривает их за рулём, если едет по пустой дороге. Хорошо отрепетированная ложь звучит правдивей.

Дима выбирает себе подходящую «легенду» по ситуации. Если нужно опрашивать множество людей в городе, он говорит, что стажирется корреспондентом в местную газету. Мелкую. «Калейдоскоп». Вы не слышали? Тираж не очень крупный, но уже семь номеров отпечатано. Так он отвечает.

В «Тихозёрке» Дима – краевед. Краевед хорошо подходит скитальцу, случайно забредшему в небольшую деревню.

Подробнее о своей краеведческой деятельности ему, к счастью, пока рассказывать не пришлось – они с Соней прибыли на место, и сломанный указатель тотчас перетянул одеяло на себя.

Вернее, не одеяло, а полиэтиленовую плёнку, которую Макаров, оставив в траве доски и ящик с инструментами, первым делом стянул со стенда.

Дима окинул его критическим взглядом: лицевая часть не пострадала – хорошо – но деревянные ножки обломились: из земли торчали два огрызка. Соня тем временем свернула плёнку и придавила её ящиком.

Трасса казалась безжизненной. По чистому, не засорённому шумом автомобилей воздуху переливалась незатейливая, но близкая сердцу песня жаворонка. Минуту погода к нему присоединилось карканье, которое, судя по слабому звуку, докатилось до ушей откуда-то очень издалека. Удивительно какой громкой может быть природа, стоит удалиться от людей и их машин: в траве стрекотали кузнечики, гудящие мошки норовили угодить в глаза.

– Новые ножки ему не приладить, – перешёл к делу Дима. – Доски для этого слишком короткие, а их пришлось бы вкапывать. Так что используем эти, – он указал пальцем на торчащие из земли обломки, а сам опустился на корточки возле досок и принялся их развязывать. – Раз их не вырвало ветром, значит вкопаны хорошо. Сделаю что-то вроде шин и присобачу стенд прямо к ним, ладно?

Соня пожала плечами:

– Да мне без разницы, лишь бы стенд хорошо стоял.

Макаров вынул из ящика рулетку и подошёл с ней сперва к огрызкам, затем к лежащему указателю. Указатель ничего особенного из себя не представлял – просто небольшой щит с зазывной надписью, сделанной большими красными буквами на нежно-голубом фоне: «Постоялый двор. Вкусная, горячая еда, чистые постели», а ниже стрелка направо и расстояние в метрах. Не вершина дизайнерской мысли, но информативно. Одного взгляда хватало, чтобы понять: стенд не печатался по заказу, а был намалёван от руки.

– Стоять-то он будет, только вот вряд ли – хорошо, – предупредил Дима, сделав замеры, и направился к ящику за пилой. – Скорее всего, до первого сильного ветра. Нормально сейчас не сделать: надо или старые ножки от стенда оттирать, и лепить новые, которые ещё придётся вкопать основательно, или ещё что-то придумывать, – пояснил он, потому что Соня скрестила руки на груди.

– Делай, как знаешь.

Пила визгливо закричала по доске. Первое время Макаров работал молча, Соня стояла чуть поодаль и внимательно следила. Когда заготовки для «шин» были сделаны и закреплены на указателе, Дима распрямился и неожиданно спросил:

– А как вам с мамой вообще пришла в голову идея организовать постоялый двор в деревне?

– Раньше у нас на озере была турбаза: «Тихое озеро». Тогда клиентов было навалом.

– Это на том озере, где мальчонка недавно утонул?

– Да. Ты уже знаешь? – удивилась девушка.

Дима постоял немного возле стенда с шуруповёртом в руках, примеряясь, а потом вдруг просто поднял стенд и поднёс к ножкам, придерживая щит и шейей, и плечом.

– Видел гроб, – прокричал он.

Соня тотчас подскочила, чтобы придержать указатель с другой стороны. В одиночку Макаров не смог бы ровно установить обе ножки и прикрутить нижнюю половину «шин» к торчащим из земли кускам.

Изогнувшись под щитом, он одной рукой и шейей удерживал стенд на плече над ближайшей к себе ножкой, а вторую руку с шуруповёртом вытянул, чтобы прикрутить стенд к дальней ножке, над которой указатель удерживала девушка.

– Ровно? – уточнил он, потому что не мог рассмотреть сам.

– Погоди, – стиснув зубы ответила Соня.

По покрасневшему лицу, Дима видел, как ей тяжело. Он бы и рад был отогнать девушку, но стенд оказался слишком здоровым, чтобы установить его в одиночку.

Соня несколько раз рванула щит на себя, пока обломок ножки не встал в зазор между «шинами».

– Давай.

Коротенько прожужжал шуруповёрт. Дима старался держать его так, чтобы Соне было как можно удобней распределять вес стенда на своих тонких руках, и от этого самому Диме пришлось скрючиться ещё больше.

– И ещё один, – предупредил он.

– Угу.

– Всё, отпускай.

Соня отпрянула. Грудь вздымалась, восстанавливая дыхание. Девушка провела рукавом по шее, вытирая бисерины пота.

Дима убрал плечо из-под щита и встал поудобнее. Закрепить вторую ножку стенда он теперь мог самостоятельно. Меньше чем через минуту указатель уже стоял без посторонней помощи.

– Сейчас ещё с этих сторон накину для верности, – объяснил Дима, вновь берясь за доски.

Какое-то время он снова работал ни проронив ни слова. Соня тоже старалась особо не лезть под руку.

– А тот мальчик... – вдруг опять начал Макаров, закончив с одной ножкой и взявшись за другую. – Мужики говорили, будто его из воды прямо в пижаме и вытащили.

Соня молчала.

Дима поднял на неё глаза, посмотрел секунду, и вернулся к стенду.

– Получается, он посреди ночи сбежал из дома. А ночи сейчас холодные. Не обулся, не оделся. И полез в воду купаться в пижаме.

Девушка пожала плечами:

– Какая-то тема для разговора, не очень...

– За ним раньше таких выкрутасов не замечали? Может он... как сказать... трудный был?

– Да вроде нет, не был, – задумчиво ответила Соня. – Ребёнок и ребёнок. Хотя, если подумать, кто его знает, что у них раньше было. К нам-то они переехали недавно совсем.

– Недавно – это когда?

– Ну может месяц есть, но не больше. Они, выходит, почти сразу, как указатель на дороге сбило, приехали. А тебе зачем?

– Да так... – расплывчато ответил Дима.

Он закончил, и отошёл от указателя туда же, откуда на него смотрела Соня.

Некогда тонкие ножки стенда распухли от накрученных с четырёх сторон досок. Вокруг «шин» теперь ещё было намотано по небольшому слою проволоки. Стенд стоял. Слегка накренившись, но стоял.

Соня молчала.

– Другое дело, да? – аккуратно прощупал почву Макаров.

– Да, – согласилась девушка и улыбнулась.

Дима ещё раз напомнил ей, что ремонт временный, и по-хорошему ножки следовало бы укрепить ещё как-то, или сделать новые.

Назад шли гораздо медленней и уже дольше молчали, но не слишком. Соня вскоре начала выпытывать у Димы, о чём краеведы пишут свои книжечки.

– Мне интересны всякие поверья и присказки, которые люди друг другу пересказывают, – без увиливаний признался Дима.

– Ого! – Соня почему-то взбудоражилась. – А я-то думала ты как этот... Биянки какой-нибудь: кедр, клёст...

Дима покачал головой.

– А что, например, тебе рассказывали?

И остаток пути Макаров вспоминал безобидные вещи, которыми можно было поделиться. Как сельские дети, где Дима убил вампира, пытались с помощью блюда и мела пообщаться с духом Цоя. Как старики рассказывали сны, в которых им виделся сияющий голубой шар, заманивающий на чердак, якобы этот шар – проводник в мир мёртвых. Как на одну деревенскую свадьбу, на которой Диме довелось побывать, приглашали местного колдуна и платили ему денег, чтобы защищал от порчи молодых. Он рассказывал обо всём этом, и его больше совершенно не заботило, как от его одежды пахнет.

Соня внимательно слушала, временами смеялась и переспрашивала, а когда подходили к Тихозёрке воскликнула:

– И неужели люди и вправду во всё это верят?!

– Во что только люди не верят... В лешего разве что. Только шуточки и пародии на старинные былички травят иногда.

И тут девушка неожиданно насторожилась:

– А ты про мальчика утонувшего расспрашивал, чтобы тоже небылицы послушать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.